

Моему сыну
Никите Алексеевичу Толстому
с глубоким уважением посвящаю

Солнечное утро

Никита вздохнул, просыпаясь, и открыл глаза. Сквозь морозные узоры на окнах, сквозь чудесно расписанные серебром звёзды и лапчатые листья светило солнце. Свет в комнате был снежно-белый. С умывальной чашки скользнул зайчик и дрожал на стене.

Открыв глаза, Никита вспомнил, что вчера вечером плотник Пахом сказал ему:

— Вот я её смажу да полью хорошенько, а ты утром встанешь — садись и поезжай.

Вчера к вечеру Пахом, кривой и рябой мужик, смастерил Никите, по особенной его просьбе, скамейку. Делалась она так:

В каретнике¹, на верстаке, среди кольцом закрученных пахучих стружек Пахом выстрогал две доски и четыре ножки; нижняя доска с переднего края — с носа — срезанная, чтобы не заедалась в снег; ножки — точёные;

---

¹ Карётник — сарай, куда ставят кареты.

в верхней доске сделаны два выреза для ног, чтобы ловчее сидеть. Нижняя доска обмазывалась коровьим навозом и три раза поливалась водой на морозе, — после этого она делалась как зеркало, к верхней доске привязывалась верёвочка — возить скамейку, и когда едешь с горы, то править.

Сейчас скамейка, конечно, уже готова и стоит у крыльца. Пахом такой человек: «Если, — говорит, — что я сказал — закон, сделаю».

Никита сел на край кровати и прислушался — в доме было тихо, никто ещё, должно быть, не вставал. Если одеться в минуту, безо всякого, конечно, мытья и чищения зубов, то через чёрный ход можно удрать на двор. А со двора — на речку. Там на крутых берегах намело сугробы — садись и лети...

Никита вылез из кровати и на цыпочках прошёлся по горячим солнечным квадратам на полу...

В это время дверь приотворилась, и в комнату просунулась голова в очках, с торчащими рыжими бровями, с ярко-рыжей бородкой. Голова подмигнула и сказала: — Встаёшь, разбойник?

Аркадий Иванович

Человек с рыжей бородкой — Никитин учитель, Аркадий Иванович, всё пронюхал ещё с вечера и нарочно встал пораньше. Удивительно расторопный и хитрый был человек этот Аркадий Иванович. Он вошёл к Никите в комнату, посмеиваясь, остановился у окна, подышал на стекло

и, когда оно стало прозрачное, поправил очки и поглядел на двор.

— У крыльца стоит, — сказал он, — замечательная скамейка.

Никита промолчал и насупился. Пришлось одеться, и вычистить зубы, и вымыть не только лицо, но и уши и даже шею. После этого Аркадий Иванович обнял Никиту за плечи и повёл в столовую. У стола за самоваром сидела матушка в сером тёплом платье. Она взяла Никиту за лицо, ясными глазами взглянула в глаза его и поцеловала.

— Хорошо спал, Никита?

Затем она протянула руку Аркадию Ивановичу и спросила ласково:

— А вы как спали, Аркадий Иванович?

— Спать-то я спал хорошо, — ответил он, улыбаясь непонятно чему в рыжие усы, сел к столу, налил сливок в чай, бросил в рот кусочек сахара, схватил его белыми зубами и подмигнул Никите через очки.

Аркадий Иванович был невыносимый человек: всегда веселился, всегда подмигивал, не говорил никогда прямо, а так, что сердце ёкало. Например, кажется, ясно спросила мама: «Как вы спали?» Он ответил: «Спать-то я спал хорошо», — значит, это нужно понимать: «А вот Никита хотел на речку удрать от чая и занятий, а вот Никита вчера вместо немецкого перевода просидел два часа на верстаке у Пахома».

Аркадий Иванович не жаловался никогда, это правда, но зато Никите всё время приходилось держать ухо востро.

За чаем матушка сказала, что ночью был большой мороз, в сенях замёрзла вода в кадке, и когда пойдут гулять, то Никите нужно надеть башлык¹.

— Мама, честное слово, страшная жара, — сказал Никита.

— Прошу тебя надеть башлык.

— Щёки колет и душит, я, мама, хуже простужусь в башлыке.

Матушка молча взглянула на Аркадия Ивановича, на Никиту, голос у неё дрогнул:

— Я не знаю, в кого ты стал неслухом.

— Идём заниматься, — сказал Аркадий Иванович, встал решительно и быстро потёр руки, будто бы на свете не было большего удовольствия, как решать арифметические задачи и диктовать пословицы и поговорки, от которых глаза слипаются.

В большой пустой и белой комнате, где на стене висела карта двух полушарий, Никита сел за стол, весь в чернильных пятнах и нарисованных рожицах. Аркадий Иванович раскрыл задачник.

— Ну-с, — сказал он бодро, — на чём остановились? — И отточенным карандашиком подчеркнул номер задачи.

— «Купец продал несколько аршин синего сукна по 3 рубля 64 копейки за аршин и чёрного сукна...» — прочёл Никита. И сейчас же, как и всегда, представился ему этот купец из задачников. Он был в длинном пыльном сюртуке², с жёлтым унылым лицом, весь скучный и плоский,

---

¹ Башлык — суконный капюшон с длинными концами, надеваемый поверх шапки.

² Сюртук — мужская одежда в талию с длинными полами.

высохший. Лавочка его была тёмная, как щель; на пыльной плоской полке лежали два куска сукна; купец протягивал к ним тощие руки, снимал куски с полки и глядел тусклыми, неживыми глазами на Никиту.

— Ну, что же ты думаешь, Никита? — спросил Аркадий Иванович. — Всего купец продал восемнадцать аршин. Сколько было продано синего сукна и сколько чёрного?

Никита сморщился, купец совсем расплющился, оба куска сукна вошли в стену, завернулись пылью...

Аркадий Иванович сказал: «Ай, ай!» — и начал объяснять, быстро писал карандашом цифры, помножал их и делил, повторяя: «Одна в уме, две в уме». Никите казалось, что во время умножения «одна в уме» или «две в уме» быстро прыгали с бумаги в голову и там щекотали, чтобы их не забыли. Это было очень неприятно. А солнце искрилось в двух морозных окошках классной, выманивало: «Пойдём на речку».

Наконец с арифметикой было покончено, начался диктант. Аркадий Иванович заходил вдоль стены и особым, сонным голосом, каким никогда не говорят люди, начал диктовать:

— «...Все животные, какие есть на земле, постоянно трудятся, работают. Ученик был послушен и прилежен...»

Высунув кончик языка, Никита писал, перо скрипело, брызгало.

Вдруг в доме хлопнула дверь и послышалось, как по коридору идут в мёрзлых валенках. Аркадий Иванович опустил книжку, прислушиваясь. Радостный голос матушки воскликнул неподалёку:

— Что, почту привезли?

Никита совсем опустил голову в тетрадку, — так и подмывало засмеяться.

— Послушен и прилежен, — повторил он нараспев, — «прилежен» я написал.

Аркадий Иванович поправил очки:

— Итак, все животные, какие есть на земле, послушны и прилежны... Чего ты смеёшься?.. Кляксу посадил?.. Впрочем, мы сейчас сделаем небольшой перерыв.

Аркадий Иванович, поджав губы, погрозил длинным, как карандаш, пальцем и быстро вышел из классной. В коридоре он спросил у матушки:

— Александра Леонтьевна, что — письмеца мне нет?

Никита догадался, от кого он ждёт письмецо. Но терять времени было нельзя. Никита надел короткий полушубок, валенки, шапку, засунул башлык под комод, чтобы не нашли, и выбежал на крыльцо.

Сугробы

Широкий двор был весь покрыт сияющим, белым, мягким снегом. Синели на нём глубокие человечьи и частые собачьи следы. Воздух, морозный и тонкий, защипал в носу, иголочками уколол щёки. Каретник, сараи и скотные дворы стояли приземистые, покрытые белыми шапками, будто вросли в снег. Как стеклянные, бежали следы полозьев от дома через весь двор.

Никита сбежал с крыльца по хрустящим ступеням. Внизу стояла новенькая сосновая скамейка с мочальной витой верёвкой. Никита осмотрел — сделано прочно, попробовал —

скользит хорошо, взвалил скамейку на плечо, захватил лопатку, думая, что понадобится, и побежал по дороге вдоль сада к плотине. Там стояли огромные, чуть не до неба, широкие вётлы, покрытые инеем, — каждая веточка была точно из снега.

Никита повернул направо, к речке, и старался идти по дороге, по чужим следам, в тех же местах, где снег был нетронутый, чистый, Никита шёл задом наперёд, чтобы отвести глаза Аркадию Ивановичу.

На крутых берегах реки Чагры намело за эти дни большие пушистые сугробы. В иных местах они свешивались мысами над речкой. Только стань на такой мыс — и он ухнет, сядет, и гора снега покатится вниз в облаке снежной пыли.

Направо речка вилась синеватой тенью между белых и пустынных полей. Налево, над самой кручей, чернели избы, торчали журавли¹ деревни Сосновки. Синие высокие дымки поднимались над крышами и таяли. На снежном обрыве, где желтели пятна и полосы от золы, которую сегодня утром выгребли из печек, двигались маленькие фигурки. Это были Никитины приятели — мальчишки с «нашего конца» деревни. А дальше, где речка загибалась, едва виднелись другие мальчишки, «кончанские», очень опасные.

Никита бросил лопату, опустил скамейку на снег, сел на неё верхом, крепко взялся за верёвку, оттолкнулся ногами раза два, и скамейка сама пошла с горы. Ветер засвистал в ушах, поднялась с двух сторон снежная

---

¹ Журавли́ — здесь: шесты у колодцев, служащие рычагами для подъёма ведра.

пыль. Вниз, всё вниз, как стрела. И вдруг там, где снег обрывался над кручей, скамейка пронеслась по воздуху и скользнула на лёд. Пошла тише, тише и стала.

Никита засмеялся, слез со скамейки и потащил её в гору, увязая по колёно. Когда же он взобрался на берег, то недалеко, на снежном поле, увидел чёрную, выше человеческого роста, как показалось, фигуру Аркадия Ивановича. Никита схватил лопату, бросился на скамейку, слетел вниз и побежал по льду к тому месту, где сугробы нависали мысом над речкой.

Взобравшись под самый мыс, Никита начал копать пещеру. Работа была лёгкая — снег так и резался лопатой. Вырыв пещерку, Никита влез в неё, втащил скамейку и изнутри стал закладываться комьями. Когда стенка была заложена, в пещерке разлился голубой полусвет, — было уютно и приятно.

Никита сидел и думал, что ни у кого из мальчишек нет такой чудесной скамейки. Он вынул перочинный ножик и стал вырезать на верхней доске имя — «Вевит».

— Никита! Куда ты провалился? — услышал он голос Аркадия Ивановича.

Никита сунул ножик в карман и посмотрел в щель между комьями. Внизу, на льду, стоял, задрав голову, Аркадий Иванович.

— Где ты, разбойник?

Аркадий Иванович поправил очки и полез к пещерке, но сейчас же увяз по пояс.

— Вылезай, всё равно я тебя оттуда вытащу.

Никита молчал. Аркадий Иванович попробовал лезть выше, но опять увяз, сунул руки в карманы и сказал:

— Не хочешь, не надо. Оставайся. Дело в том, что мама получила письмо из Самары... Впрочем, прощай, я ухожу...

— Какое письмо? — спросил Никита.

— Ага! Значит, ты всё-таки здесь.

— Скажите, от кого письмо?

— Письмо насчёт приезда одних людей на праздники.

Сверху сейчас же полетели комья снега. Из пещерки высунулась голова Никиты. Аркадий Иванович весело засмеялся.

Таинственное письмо

За обедом матушка прочла наконец это письмо. Оно было от отца.

— «Милая Саша, я купил то, что мы с тобой решили подарить одному мальчику, который, по-моему, вряд ли заслуживает того, чтобы эту прекрасную вещь ему подарили. — При этих словах Аркадий Иванович страшно начал подмигивать. — Вещь эта довольно большая, поэтому пришли за ней лишнюю подводку. А вот и ещё новость, — на праздники к нам собирается Анна Аполлосовна Бабкина с детьми...»

— Дальше неинтересно, — сказала матушка и на все вопросы Никиты только закрывала глаза и качала головой:

— Ничего не знаю.

Аркадий Иванович тоже молчал, разводил руками: «Ничего не знаю». Да и вообще весь этот день Аркадий Иванович был чрезмерно весел, отвечал невпопад и нет-нет

да и вытаскивал из кармана какое-то письмецо, прочитывал строчки две из него и морщил губы. Очевидно, и у него была своя тайна.

В сумерки Никита побежал через двор к людской¹, откуда на лиловый снег падал свет двух замёрзших окошек. В людской ужинали. Никита свистнул три раза. Через минуту появился его главный приятель, Мишка Коряшонок, в огромных валенках, без шапки, в накинутом полушубке. Здесь же, за углом людской, Никита шёпотом рассказал ему про письмо и спрашивал, какую такую вещь должны привезти из города.

Мишка Коряшонок, постукивая зубами от холода, сказал:

— Непременно что-нибудь громадное, лопни мои глаза. Я побегу, холодно. Слушай-ка, завтра на деревне кончанских ребят бить хотим. Пойдёшь, а?

— Ладно.

Никита вернулся домой и сел читать «Всадника без головы»².

За круглым столом под большой лампой сидели с книгами матушка и Аркадий Иванович. За большой печью — тр-тр, тр-тр — пилил деревяшечку сверчок. Потрескивала в соседней тёмной комнате половица.

Всадник без головы мчался по прерии, хлестала высокая трава, всходил красный месяц над озером. Никита

---

¹ *Людская* — здесь: помещение для наёмных рабочих на господском дворе.

² «Всадник без головы» — приключенческий роман английского писателя Майн Рида.

чувствовал, как волосы у него шевелятся на затылке. Он осторожно обернулся — за чёрными окнами пронеслась какая-то сероватая тень. Честное слово, он её видел.

Матушка сказала, подняв голову от книги:

— Ветер поднялся к ночи, будет буран.

Сон

Никита увидел сон — он снился ему уже несколько раз, всё один и тот же.

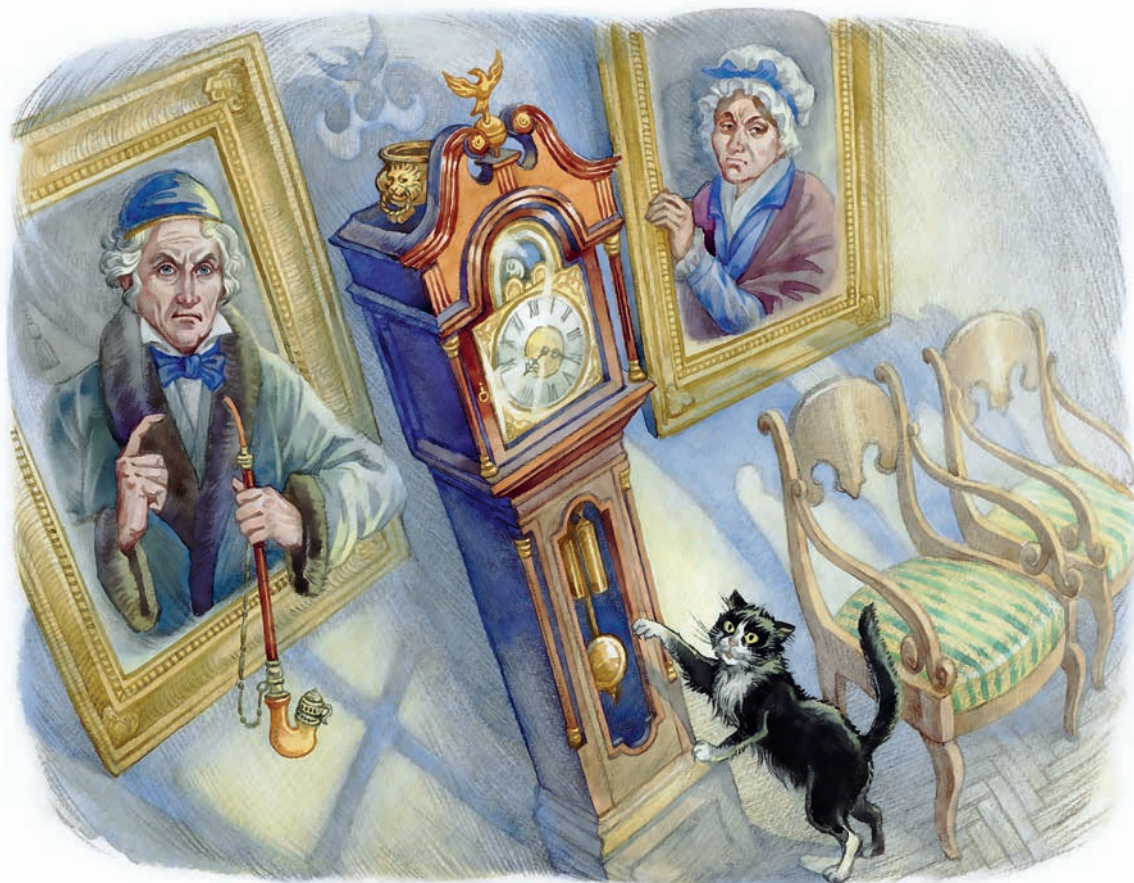
Легко, неслышно отворяется дверь в зал. На паркете лежат голубоватые отражения окон. За чёрными окнами висит луна — большим светлым шаром. Никита влез на ломберный¹ столик в простенке между окнами и видит:

Вот напротив, у белой, как мел, стены, качается круглый маятник в высоком футляре часов, качается, отсвечивает лунным светом. Над часами, на стене, в раме висит строгий старичок с трубкой, сбоку от него — старушка, в чепце и шали, и смотрит, поджав губы. От часов до угла, вдоль стены, вытянули руки, присели, на четырёх ногах каждое, широкие полосатые кресла. В углу расселся раскорякой низкий диван. Сидят они без лица, без глаз, выпучились на луну, не шевелятся.

Из-под дивана, из-под бахромы, вылезает кот. Потянулся, прыгнул на диван и пошёл, чёрный и длинный. Идёт, опустил хвост. С дивана прыгнул на кресла, пошёл по

---

¹ Лóмберный — покрытый сукном, обычно складной, стол для игры в карты.

креслам вдоль стены, пригибается, пролезает под ручками. Дошёл до конца, спрыгнул на паркет и сел перед часами, спиной к окошкам. Маятник качается, старичок и старушка строго смотрят на кота. Тогда кот поднялся, одной лапой опёрся о футляр и другой лапой старается остановить маятник. А стекла-то в футляре нет... Вот-вот достанет лапой.

Ох, закричать бы! Но Никита пальцем не может пошевелить — не шевелится, — и страшно, страшно, — вот-вот будет беда...

Лунный свет неподвижно лежит длинными квадратами на полу. Всё в зале затихло, присело на ножках. А кот

вытянулся, нагнул голову, прижал уши и достаёт лапой маятник. И Никита знает: если тронет он лапой — маятник остановится, и в ту же секунду всё треснет, расколется, зазвенит и, как пыль, исчезнет, не станет ни зала, ни лунного света.

От страха у Никиты звенят в голове острые стекляшечки, сыплется песок мурашками по всему телу... Собрал всю силу, с отчаянным криком Никита кинулся на пол! И пол вдруг ушёл вниз. Никита сел. Оглядывается. В комнате — два морозные окна; сквозь стёкла видна странная, больше обыкновенной, луна. На полу стоит горшок, валяются сапоги.

«Господи, слава Тебе, Господи!» — Никита наспех перекрестился и сунул голову под подушку. Подушка эта была тёплая, мягкая, битком набита снами.

Но не успел он зажмурить глаза, видит — опять стоит на столе в том же зале. В лунном свете качается маятник, строго смотрят старичок со старушкой. И опять из-под дивана вылезает голова кота. Но Никита уже протянул руки, оттолкнулся от стола и прыгнул и, быстро-быстро перебирая ногами, не то полетел, не то поплыл над полом.

Необыкновенно приятно лететь по комнате. Когда же ноги стали касаться пола, он взмахнул руками и медленно поднялся к потолку и летел теперь неровным полётом вдоль стены. Ближе у самого носа был виден лепной карниз, на нём лежала пыль, серенькая и славная, и пахло уютно. Потом он увидел знакомую трещину в стене, похожую на Волгу на карте, потом — старинный и очень странный гвоздь с обрывочком верёвочки, обсаженной мёртвыми мухами.

Никита толкнулся ногой в стену и медленно полетел через комнату к часам. Наверху футляра стояла бронзовая вазочка, и в вазочке, на дне, лежало что-то — не рассмотреть. И вдруг Никите точно сказали на ухо: «Возьми то, что там лежит».

Никита подлетел к часам и сунул было руку в вазочку. Но сейчас же из-за стены, из картины живо высунулась злая старушка и худыми руками схватила Никиту за голову. Он вырвался, а сзади из другой картины высунулся старичок, замахал длинной трубкой и так ловко ударил Никиту по спине, что тот полетел на пол, ахнул и открыл глаза.

Сквозь морозные узоры сияло, искрилось солнце. Около кровати стоял Аркадий Иванович, тряс Никиту за плечо и говорил:

— Вставай, вставай, девять часов.

Когда Никита, протирая глаза, сел на постели, Аркадий Иванович подмигнул несколько раз и шибко потёр руки.

— Сегодня, братец ты мой, заниматься не будем.

— Почему?

— Потому, что потому оканчивается на «у». Две недели можешь бегать, высуня язык. Вставай.

Никита вскочил из постели и заплясал на тёплом полу:

— Рождественские каникулы!

Он совсем забыл, что с сегодняшнего дня начинаются счастливые и долгие две недели. Приплясывая перед Аркадием Ивановичем, Никита забыл и другое: именно — свой сон, вазочку на часах и голос, шепнувший на ухо: «Возьми то, что там лежит».

Старый дом

На Никиту свалилось четырнадцать его собственных дней — делай что хочешь. Стало даже скучно немного. За утренним чаем он устроил из чая, молока, хлеба и варенья тюрю и так наелся, что пришлось некоторое время посидеть молча. Глядя на своё отражение в самоваре, он долго удивлялся, какое у него длинное, во весь самовар, уродское лицо. Потом он стал думать, что если взять чайную ложку и сломать, то из одной части выйдет лодочка, а из другой можно сделать ковырялку — что-нибудь ковырять.

Матушка наконец сказала: «Пошёл бы ты гулять, Никита, в самом деле». Никита не спеша оделся и, ведя вдоль штукатуренной стены пальцем, пошёл по длинному коридору, где тепло и уютно пахло печами. Налево от этого коридора, на южной стороне дома, были расположены зимние комнаты, натопленные и жилые. Направо, с северной стороны, было пять летних, наполовину пустых комнат, с залом посередине. Здесь огромные изразцовые печи протапливались только раз в неделю, хрустальные люстры висели, окутанные марлей, на полу в зале лежала куча яблок — гниловатый, сладкий запах их наполнял всю летнюю половину.

Никита с трудом приоткрыл дубовую двустворчатую дверь и на цыпочках пошёл по пустым комнатам. Сквозь полукруглые окна был виден сад, заваленный снегом. Деревья стояли неподвижно, опустив белые ветви, заросли сирени с двух сторон балконной лестницы пригнулись под снегом. На поляне синели заячьи следы. У самого окна

на ветке сидела чёрная головастая ворона, похожая на чёрта. Никита постучал пальцем в стекло, ворона шарахнулась боком и полетела, сбивая крыльями снег с ветвей.

Никита дошёл до крайней угловой комнаты. Здесь вдоль стен стояли покрытые пылью шкафы, сквозь их стёкла поблёскивали переплёты старинных книг. Над изразцовым очагом висел портрет дамы удивительной красоты. Она была в чёрной бархатной амазонке и рукою в перчатке с раструбом держала хлыст. Казалось, она шла и обернулась и глядит на Никиту с лукавой улыбкой пристальными длинными глазами.

Никита сел на диван и, подперев кулаками подбородок, рассматривал даму. Он мог так сидеть и глядеть на неё подолгу. Из-за неё — он не раз это слышал от матери — с его прадедом произошли большие беды. Портрет несчастного прадеда висел здесь же над книжным шкафом — тощий востроносый старичок с запавшими глазами; рукою в перстнях он придерживал на груди халат; сбоку лежали полуразвернутый папирус¹ и гусиное перо. По всему видно, что очень несчастный старичок.

Матушка рассказывала, что прадед обыкновенно днём спал, а ночью читал и писал, — гулять ходил только в сумерки. По ночам вокруг дома бродили караульщики и трещали в трещотки, чтобы ночные птицы не летали под окнами, не пугали прадедушку. Сад в то время, говорят, зарос высокой густой травой. Дом, кроме этой комнаты,

---

¹ Папи́рус — тропическое тростниковое растение. В Древнем Египте из него приготавливали писчий материал. Старинные рукописи, написанные на этом материале, также называют папирусом.

стоял заколоченный, необитаемый. Дворовые мужики разбежались. Дела прадеда были совсем плачевны.

Однажды его не нашли ни в кабинете, ни в доме, ни в саду, — искали целую неделю, так он и пропал. А спустя лет пять его наследник получил от него из Сибири загадочное письмо: «Искал покоя в мудрости, нашёл забвение среди природы».

Причиною всех этих странных явлений была дама в амазонке. Никита глядел на неё с любопытством и волнением.

За окном опять появилась ворона, осыпая снег, села на ветку и принялась нырять головой, разевать клюв — каркала. Никите стало жутковато. Он выбрался из пустых комнат и побежал на двор.

У колодца

Посредине двора, у колодца, где снег вокруг был жёлтый, обледенелый и истоптанный, Никита нашёл Мишку Коряшонка. Мишка сидел на краю колодца и макал в воду кончик голицы — кожаной рукавицы, надетой на руку.

Никита спросил, зачем он это делает. Мишка Коряшонок ответил:

— Все кончанские голицы макают, и мы теперь будем макать. Она захохнет — страсть ловко драться. Пойдёшь на деревню-то?

— А когда?

— Вот пообедаем и пойдём. Матери ничего не говори.

— Мама отпустила, только не велела драться.

— Как не велела драться? А если на тебя наскочат? Знаешь, кто на тебя наскочит, — Стёпка Карнаушкин. Он тебе даст, ты — брык.

— Ну, со Стёпкой-то я справлюсь, — сказал Никита, — я его на один мизинец пушу. — И он показал Мишке палец.

Коряшонок посмотрел, сплюнул и сказал грубым голосом:

— У Стёпки Карнаушкина кулак заговорённый. На прошлой неделе он в село, в Утевку, ездил с отцом за солью, за рыбой, там ему кулак заговаривали, лопни глаза — не вру.

Никита задумался; конечно, лучше бы совсем не ходить на деревню, но Мишка скажет — трус.

— А как же ему кулак заговаривали? — спросил он. Мишка опять сплюнул:

— Пустое дело. Перво-наперво возьми сажи и руки вымажи и три раза скажи: «Тани-бани, что под нами под железными столбами?» Вот тебе и всё...

Никита с большим уважением глядел на Коряшонка. На дворе в это время со скрипом отворились ворота, и оттуда плотной серой кучей выбежали овцы — стучали копытцами, как костяшками, трясли хвостами, роняли орешки. У колодца овечье стадо сгрудилось. Блея и теснясь, овцы лезли к колоде, проламывали мордочками тонкий ледок, пили и кашляли. Баран, грязный и длинношёрстый, уставился на Мишку белыми, пегими глазами, топнул ножкой. Мишка сказал ему: «Бездельник», — и баран бросился на него, но Мишка успел перескочить через колоду.